

УДК 100.1+165: 316

В. И. Оноприенко

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ НОВОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ НАУКИИнститут исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины;
valonopr@gmail.com

Аннотация. Социальная эпистемология науки – современная область исследований, которая активно развивается в мире, продуцирует новые подходы и порождает острые дискуссии. В статье приводится новое понимание познания как творчества. Познание имеет дело с содержанием коллективной деятельности и общения, которые нуждаются для своей организации в идеальных, т.е. возможных, пробных, приблизительных, вариативных моделях. Функция познания состоит в наложении на мир сети обозначений – научных формул, нравственных норм, художественных образов, магических символов, позволяющих человеку упорядочить свое бытие в мире и так структурировать свою психику, чтобы придать ей мобильность и вариабельность, обеспечивая тем самым возможность деятельности и общения. Главная черта человеческого познания в отличие от аналогичной психики животных – конструктивность. Познание не есть копирование познаваемой реальности, оно есть внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и систематизировать акты сознания. В статье на примерах новых категорий показывается инновационность нового подхода в рамках социальной эпистемологии, обеспечивающего интеллектуальную его доказательность.

Ключевые слова: эпистемология науки, методология науки, новая концепция научного познания, исследование, исследовательское поведение, язык науки.

Введение

В последнее время философия на постсоветском пространстве преодолела последствия господства теории отражения. Познание и сознание понимались в рамках этой концепции как отражение, воспроизведение характеристик предметов, которые существуют объективно, реально, независимо от сознания субъекта. Сам термин «отражение» был достаточно неудачным, поскольку вызывал представление о познании как следствие причинного воздействия реального предмета на пассивного субъекта, воспринимающего это влияние. На самом деле познания даже на уровне восприятия – это активный процесс сбора информации о внешнем мире, который предусматривает использование гипотез, когнитивных карт, некоторые из которых могут быть врожденными. Затем в процессе мышления используются различные знаковые средства. Познание может относиться к тем предметам, которых еще нет (познание будущего), или которых уже нет (познание прошлого). Догматизация «ленинской теории отражения» затрудняла исследования ряда проблем теории познания, не позволяла сопоставлять это понимание с другими познавательными концепциями: феноменализмом, инструментализмом и др.

Итог новой гносеологии и эпистемологии науки подведен в фундаментальном труде Института философии РАН (Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009). Подготовка этой энциклопедии продолжалась несколько лет, и материалы будущей фундаментальной сводки публиковались и обсуждались на страницах журнала «Эпистемология & философия науки». Эти материалы в журнале и даже в книге нередко даются в альтернативных вариантах, чем подчеркивается открытость ряда проблем. Каждый вариант статей содержит собственную аргументацию, что обогащает содержание и создает драматизм изложения.

Несколько слов о сути новой концепции познания. Познание трактуется в энциклопедии как творчество. Познание – философская категория, описывающая процесс построения идеальных

планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем. Познание – это самостоятельная реальность, которая пронизывает все аспекты человеческого мира и лишь в абстракции может быть выделена из него.

Познание следует понимать как процесс, сопровождающий деятельность и общение людей и выполняющий функцию их обеспечения идеальным образом. Познание не столько отражение, сколько имеет дело с содержанием коллективной деятельности и общения, которые нуждаются для своей организации в идеальных, т.е. возможных, пробных, приблизительных, вариативных моделях. Знание как результат познания в прямом смысле возникает из незнания, т.е. из иных контекстов опыта, нуждающихся в знании. Динамика порождения знания носит векторный характер, связана с исследовательской, поисковой установкой на расширение сферы идеальных конструктов.

Путь познания – это движение от стандартных, локальных контекстов опыта ко всё более разнообразным и универсальным, причем чувственные и рассудочные элементы присутствуют на каждом этапе.

Функция познания состоит в наложении на мир сети обозначений – научных формул, нравственных норм, художественных образов, магических символов, позволяющих человеку упорядочить свое бытие в мире и так структурировать свою психику, чтобы придать ей мобильность и вариабельность, обеспечивая тем самым возможность деятельности и общения.

Главная черта человеческого познания в отличие от аналогичной психики животных – конструктивность. Познание не есть копирование познаваемой реальности, оно есть внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и систематизировать акты сознания. Конструктивная перестройка познавательных структур позволяет осуществлять переход от одних стандартов к другим, придавать динамичность и творческий характер познавательному процессу.

Цель и задачи

Целью работы является показать преимущества современной социальной эпистемологии науки, расширяющие горизонт философии и методологии науки, убедить исследователей использовать новый арсенал познавательных средств.

Методология исследования

Методология исследования прямо связана с новой концепцией познания: познание понимается как процесс, сопровождающий деятельность и общение людей и выполняющий функцию их обеспечения идеальным образом. Творческое познание рождает виртуальные миры, создает предпосылки создания и существования культурных объектов вообще. Современный интерес к виртуалистике связан с методами расширения горизонта сознания, созданием предпосылок порождения всякого объекта культуры.

Результаты

Приведу из указанной энциклопедии (Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009) некоторые новые категории, которые имеют значение для понимания особенностей современного исследовательского труда, методологии, структуры и логики исследования, языка и социологии науки.

Исследовательское поведение – поведение, направленное на поиск и приобретение новой информации; одна из фундаментальных форм взаимодействия живых существ с реальным миром, направленная на его познание; сущностная характеристика деятельности человека. Играет незаменимую роль при овладении новыми и сложными областями, в развитии познавательных процессов всех уровней, в учении, при приобретении социального опыта и в развитии личности. В свою очередь, само исследовательское поведение функционирует и развивается под мощным влиянием социальных и личностных факторов. В его основе лежит важнейшая потребность в новой информации, в новых впечатлениях, знаниях, результатах деятельности. Исследовательская мотивация может быть сильнее других потребностей, включая витальные (например, пищевого и оборонительного порядка). Исследовательское поведение проявляется в разных формах – в наблюдении, экспериментировании, путешествии, в вопросно-ответных формах деятельности и др.

Исследовательское поведение выступает как целостная многоуровневая система с большим разнообразием компонентов, причем это разнообразие стремится к постоянному расширению. Факторы, вызывающие исследовательское поведение: новизна объекта, ситуации; сложность (необходим оптимальный уровень сложности: слишком простые и слишком сложные объекты способствуют угасанию познавательной активности); неопределенность; несоответствие или противоречие частей информации. В исследовательском поведении выделяют две взаимосвязанные подсистемы процессов: подсистему поиска информации (подсистема приобретения знаний об объекте); подсистему обработки поступающей информации

(подсистема преобразования и использования знаний). Несмотря на тесную связь, поиск информации и ее обработка – это разные части процесса познания. Здесь используются различные стратегии и средства познавательной деятельности (например, стратегии проведения эксперимента и стратегии обработки полученных в этом эксперименте данных – это два разных, хотя и связанных между собой типа стратегий). Однозначных корреляций между успешностью поиска информации и успешностью ее обработки нет. Показано, что люди (и взрослые, и дети), которые успешно осуществляют поиск, часто затрудняются обработать найденную информацию, понять и осмыслить ее («экспериментаторы»). Точно так же некоторые люди успешно обрабатывают информацию, найденную кем-то другим, но сами плохо справляются с поиском («теоретики»). Обнаружены и положительные, и значимые отрицательные корреляции между тестами исследовательского поведения и тестами интеллекта – они диагностируют разные способности. Тесты исследовательского поведения диагностируют способности к приобретению информации в условиях высокой новизны и неопределенности условий и требований. Тесты интеллекта диагностируют не приобретение, а использование ранее полученных знаний в условиях строгой регламентированности и однозначной определенности требований тестового задания (Поддьяков, 2009: 323).

Исследование – понятие, изначально обозначавшее специализированный вид научного познания в рамках естественных наук. Ныне исследования проводятся в гуманитарных и социальных науках, существуют философские и методологические, прикладные и междисциплинарные исследования. Во второй половине XX века в связи с необходимостью управления научными работами и их оценки (большинство современных научных работ должны быть проведены в заданные сроки, качественно и при ограниченных ресурсах) стало формироваться новое понятие научного исследования. В этом смысле научное исследование есть специализированный вид научной деятельности, которая организована так, что становится возможным и оценка и управление связанной с этой деятельностью научной работы.

Ныне различают не только математические, естественные, технические и гуманитарные науки, но и науки философские и даже паранауки. Результатом научной работы в настоящее время является не только новое теоретическое знание или теоретическое объяснение (описание) определенного явления, но и построение новой концепции (теории), различного рода прикладные исследования («монодисциплинарные» и «комплексные»), методологические исследования и разработки (критика, рефлексия, программирование, проектирование и т.д.), конструирование (в аспекте интеллектуального, знания об обеспечении) новых практик, научная рефлексия сложившихся практик, направленная на

их совершенствование, и другие работы. В связи с этим научные исследования дифференцируются и приобретают разную структуру.

Чаще всего интересующее исследователя явление существует в эмпирическом слое. Для того чтобы ввести явление в теорию, его, как правило, сначала проблематизируют. Затем, уже под углом данных проблем, феномен схематизируют и описывают. В результате он переводится в форму эмпирических знаний (эмпирических закономерностей). Следующий шаг – построение идеального объекта, который, с одной стороны, может быть истолкован как теоретическое представление схематизированного феномена, а с другой – как удовлетворяющий принципам выбранной теории. Чтобы ввести построенный идеальный объект в теорию (при этом он часто уточняется и перестраивается), необходимы специальные рассуждения и процедуры сведения, включающие иногда построение новых схем объекта. Параллельно исследователь теоретически объясняет выделенный феномен и снимает относящиеся к нему проблемы.

Второй тип – монодисциплинарное и комплексное прикладное исследование. В первом случае для решения поставленной исследователем практической задачи используется определенная существующая теория. Чтобы решить монодисциплинарную прикладную задачу, сначала необходимо в выбранной теории создать теоретическое представление, описывающее интересующее исследователя явление. По характеру эта часть научного исследования относится к предыдущему типу, но имеет одну особенность. Так как исследование здесь нацелено на решение прикладной задачи, проблематизация и идеальный объект строятся так, чтобы обеспечить это решение. Затем на основе построенного идеального объекта и опирающихся на него теоретических объяснений исследователь создает схемы и представления, которые используются непосредственно для решения прикладной задачи.

В случае комплексного прикладного исследования он обращается к нескольким теоретическим дисциплинам и поэтому вынужден интегрировать (конфигурировать) заимствованные из них теоретические представления. Для этого исследователь строит «диспозитивные схемы» (конфигураторы), которые объективируются и истолковываются как изображения новой идеальной действительности (например, таким образом были получены многие психологические и педагогические понятия – деятельности, установки, гештальта, образования, дисциплины, содержания обучения и другие).

Построение новой теории (концепции, науки) – тоже достаточно распространенный тип исследования. Нередко эта работа начинается с критики существующих, неудовлетворительных теорий и концепций, а также методологической проблематизации. Следующий шаг – формулирование нового подхода и методологии изучения, на основе которых дальше формируются предмет и объект изучения. Формирование предмета и объекта изучения позволяет перейти к

построению идеальных объектов, а затем – новой теории. Процесс построения и разворачивания теории включает в себя также анализ контрпримеров и обоснование теории. Поскольку можно назвать, по меньшей мере, четыре идеала научного познания (античный, естественнонаучный, гуманитарный и социальный), структура работы для разных видов наук существенно различается.

Если исследователь ориентируется на первый идеал, он стремится в теории разрешить сформулированные им проблемы и теоретически описать феномены, образующие сформированный предмет, – и только. Реализуя идеал естественной науки, он вынужден экспериментально подтверждать свои теоретические построения и ориентировать их на технические приложения (прогнозирование изучаемых явлений и управление ими). Разделяя идеал гуманитарной науки, ученый стремится, во-первых, реализовать свое видение действительности, во-вторых, так объяснить эту действительность, чтобы в ней нашлось место для него самого и другого человека. При этом ученый-гуманитарий не должен экспериментально подтверждать свои теоретические построения. Наконец, исследователь, разделяющий идеал социальной науки, должен быть озабочен построением такой теории, которая отвечала бы его пониманию характера социального действия и природы социальной действительности.

В качестве самостоятельного научного исследования может выступить не целиком весь указанный здесь состав работ, а какая-нибудь одна его часть, например, методологическая проблематизация и критика, или экспериментальное обоснование теории, или построение нового идеального объекта, или обоснование теории, или разрешение контрпримеров и т.д. Это связано с тем, что каждая такая часть общей работы может потребовать значительных интеллектуальных усилий и организации и должна быть в определенной мере методически отрефлектирована.

Если говорить о предъявлении научного исследования, то, помимо уже известных, ставших в значительной мере формальными моментов (указание на проблему, задачи, методы, иногда новизну, внедрение), нужно отметить следующее. В настоящее время часто важно не только успешно провести научное исследование, но и публично продемонстрировать реальный способ решения научной задачи, а также соотнести свой подход с существующими в научной культуре. Для этого нужно и то и другое отрефлектировать в понятной форме. Специфической особенностью современной научной работы все чаще является кооперация исследователя с методологом и организатором (нередко эти три фигуры совмещаются в одном лице). Методолог помогает исследователю осуществлять правильную проблематизацию, анализирует средства и методы его работы, помогает наметить новые способы мышления и деятельности. Организатор научной работы структурирует ее так, чтобы работа могла быть осуществлена в намеченные сроки и качественно. Кооперация исследователя с философом

осуществляется только в точках экзистенциального или культурного кризиса, что, впрочем, характерно для нашего тревожного времени глобальных кризисов, перемен и реформ.

Решение современных методологических и философских проблем предполагает проведение также специальных исследований. Подобные исследования, ориентированные на философию или методологию, можно назвать философскими или методологическими.

Исследование (другой вариант) – один из видов научного познания, направленный на производство нового знания. Процесс исследования осуществляется в виде комплекса разнообразных познавательных процедур. В методологии науки выделяют два взаимосвязанных между собой уровня исследования: эмпирический и теоретический. В рамках первого уровня обычно устанавливаются основные характеристики изучаемых объектов и формы их взаимодействия между собой, что обеспечивает реализацию описательной функции науки. Эмпирическое познание, в отличие от теоретического, предполагает обязательность непосредственного контакта ученого и тех фрагментов действительности, с которыми его деятельность связана. Поэтому к основным формам эмпирического исследования относятся процедуры наблюдения, эксперимента и предметного моделирования. В последнее время все большее значение приобретает процедура измерения, входящая в различной степени в каждую из этих форм. Благодаря осуществлению множества познавательных актов, составляющих содержание эмпирического познания, устанавливаются так называемые «факты науки», которые представляют собой обобщение результатов, полученных различными исследователями и многократно проверенных независимыми экспертами. Установленные факты становятся эмпирическим базисом различных теорий, составляющих основное содержание второго уровня научного познания.

Хотя все процедуры эмпирического исследования связаны с непосредственным взаимодействием ученого и объекта его внимания, они не сводятся, однако, к простому чувственному восприятию человеком явлений окружающего мира. И наблюдение, и эксперимент, и предметное наблюдение – все они предполагают обязательное оформление в языке соответствующих научных дисциплин, что влияет на способ их представления в системах знания. При этом процедура наблюдения строится таким образом, чтобы сделать воздействие исследователя на наблюдаемые явления минимальным. Тогда как эксперимент, представляющий собой особую форму наблюдения, предполагает активное вмешательство ученого в изучаемые процессы, необходимо создание таких познавательных ситуаций, в которых оказывается возможным фиксировать стороны и свойства объектов, в других условиях не проявляющиеся. Предметное моделирование осуществляется в виде наблюдения или эксперимента, направленных не на объект, интересующий ученого, а на какой-то другой, обладающий сходством с ним в значимых, с

точки зрения исследователя, параметрах и потому замещающий его в познавательных процедурах.

Теоретический уровень исследования связан с установлением законов, регулирующих поведение объектов изучения, и с объяснением сущности обнаруженных явлений действительности. В его рамках реализуются две другие важнейшие функции науки: объяснение и прогнозирование. На этом уровне эмпирические факты и зависимости, установленные прежде, используются в качестве элементов для построения абстрактно-теоретической модели соответствующей предметной области, обеспечивающей понимание глубинной природы всех фактов, составляющих содержание данной области. Однако часто бывает так, что при попытке систематизировать имеющиеся в распоряжении ученого факты, обнаруживаются какие-то пробелы в знаниях, не позволяющие решить поставленную задачу. Поэтому одной из важнейших составляющих теоретического исследования является проблема. Ее формулировка представляет собой постановку познавательной задачи, вопрос, ответ на который позволяет определить характер систематизации известных данных и объяснение их сущности. Проблема задает направленность поисковой деятельности ученых и служит определенным критерием, позволяющим отбирать только те полученные решения, которые соотносимы с контекстом поставленной задачи. Предполагаемый ответ на вопрос, содержащийся в проблеме, называется гипотезой. Методология науки выдвигает целый ряд требований, определяющих способы построения гипотез и выбора одного из имеющихся вариантов. Наиболее важные из них – это простота предполагаемого решения, возможность его эмпирической проверки и способность предсказывать новые факты, еще неизвестные науке. Принятые учеными гипотезы и следствия из них, прошедшие опытную проверку, входят в структуру теоретических систем, характеризующих как конструктивные особенности изучаемых объектов, так и способы человеческого взаимодействия с ними.

Эффективность такого взаимодействия во многом определяется реализацией прогностической функции теоретического уровня. Действительно, зная законы, регулирующие осуществление каких-то событий действительности, исследователь может описывать возможные результаты еще не осуществленного в реальности человеческого взаимодействия с определенными объектами. Тем самым человеческое воздействие на окружающий мир может осознанно регулироваться так, что осуществление событий, благоприятных для людей, будет стимулироваться, а опасные или нежелательные последствия можно будет блокировать.

Теоретическое познание включает в себя и такие формы исследования, как планирование исследовательских процедур, осуществляемых и на эмпирическом, и на самом теоретическом уровне; определение дальнейших направлений научного поиска; конструирование новых языковых средств, используемых при реализации познавательных

функций; введение норм и идеалов, определяющих специфику каждого этапа познавательной деятельности и всего научного познания в целом.

Из этого следует, что если эмпирическое исследование обеспечивает исходное основание науки, то теоретическое оказывается фактором, организующим весь комплекс познавательных средств и процедур в единую систему.

Конечно, вряд ли возможно говорить об абсолютном доминировании теоретического уровня над эмпирическим, но о растущем значении первого из этих уровней свидетельствует и то обстоятельство, что сегодня степень зрелости какой-то научной дисциплины существенным образом определяется и тем, какое внимание ее представители уделяют анализу оснований самой этой дисциплины и выявлению закономерностей ее организации и развития. Поэтому, характеризуя природу научного исследования, следует иметь в виду ее принципиальную синтетичность, поскольку различные формы и уровни научного познания взаимно дополняют и обосновывают друг друга (Розин, 2009).

Лаборатория как элемент социальной структуры науки и место производства научного результата. Термины «лаборатория» и «лаборант» восходят к Р. Бойлю, организатору одной из первых научных лабораторий в современном смысле слова. Социологи науки наиболее влиятельной в середине XX столетия школы Р. Мертоня четко различают две функции лаборатории.: лаборатория как социальное образование, позволяющее осуществить связь ученых с другими подразделениями социального института науки и с обществом в целом; лаборатория как место проведения научных исследований и профессионального общения ученых. В первом случае в лаборатории предполагается иерархический тип отношений: начальник – подчиненный, старший научный сотрудник – младший; а также разделение труда: администратор – ученый, теоретик – экспериментатор, генератор идей – исполнитель. Во втором случае имеется в виду профессиональное общение ученых по решению научных проблем, когда успех не зависит от положения члена коллектива на социальной лестнице: генератором идей может быть и младший научный сотрудник. Основная идея такого подхода к пониманию лаборатории состоит в разделении социального и логического; функционирование социального института науки не влияет на логику научного мышления, научные идеи в любом случае развиваются по своим законам и остаются вне поля зрения социолога.

Во второй половине XX в. в контексте антропологии науки, или микросоциологии. (К. Кнорр-Цетина, Б. Латур, С. Вулгар), позиция исследователей меняется. Доминирующей становится идея социального конструирования научного знания; социология претендует на решение проблем, традиционно принадлежавших философии науки. Отсюда и соответствующий взгляд на лабораторию. Не существует никакой рациональности, специфичной именно для научной

деятельности, утверждают социологи, и нет никакой разницы между научным и повседневным рассуждением. Ученый – это практический мыслитель, и противоположность социального и когнитивного в его деятельности стирается. Отвергается традиционное представление о том, что ученый изучает природу. Реальность, с которой имеют дело ученые, в значительной степени предварительно переконструирована, а то и полностью воссоздана человеком. Соответственно меняется и взгляд на лабораторию. В ней нет природы, лаборатория – это скопление инструментов, приборов, химической посуды, экспериментального материала. Поскольку результаты научной деятельности несут на себе печать индивидуальных, случайных особенностей познавательного процесса, ставится под вопрос возможность их воспроизведения в других лабораториях. Коль скоро в лаборатории нет природы, утверждает Кнорр-Цетина, то нет, соответственно, и истины. Язык ученых содержит многочисленные высказывания относительно того, что является истинным и что таковым не является. Но эти высказывания ничем не отличаются от нашего повседневного использования слова «истинный» и имеют мало общего с эпистемологическим понятием истины. Если и существует стимул, который может побудить ученых в Л. к деятельности, то это их стремление заставить вещи «работать», что связано с желанием добиться, скорее, успеха, чем истины. В лаборатории не следует проводить жесткое разделение между учеными и неучеными; здесь доминирующими являются не профессиональные, а социальные связи. Именно поэтому, считает Кнорр-Цетина, более плодотворным является понятие научной лаборатории, а не научного сообщества (Маркова, 2009).

Ученый – человек, получивший специальное образование и профессионально занимающийся научной или научно-педагогической деятельностью и имеющий благодаря этому постоянный легальный источник дохода и соответствующий социальный статус.

Профессия ученого формируется в Европе вместе со светскими униями в Средние века и охватывает, главным образом, университетских профессоров, обучающихся студентов «свободным искусствам» и гуманитарным наукам, прежде всего, юриспруденции. Основной сферой занятий ученого является научно-педагогическая деятельность, в то время как исследование рассматривается как способ удовлетворения личностных склонностей и самообразования. В дальнейшем в обозначении ученого появляются акценты, характеризующие особенности восприятия науки как самими учеными, так и обществом.

В эпоху Просвещения происходит принципиальный сдвиг в содержании профессии ученого и ее общественном восприятии. Разделение («естественной истории» и «философии природы» (соответственно «Natural history» и «Natural philosophy») и становление эмпирического естествознания в Великобритании и Франции

сопровождается корпоративным оформлением научной профессии, созданием сначала национальных, а затем и международных научных сообществ с характерной для них нормативной структурой, системой социального управления и статусной иерархией. Наука все больше осознается как способ снабжения общества новым знанием, а соответственно, исследовательская деятельность по его получению становится не менее почтенным и важным занятием, нежели трансляция знания новым поколениям через образование. Такое изменение целевой характеристики с неизбежностью предполагало конкуренцию в производстве знания. Естественным шагом, обусловленным конкуренцией, стала интенсификация исследовательского процесса – в нем требовалось обеспечить посильное участие всех членов сообщества, а не только небольшой группы признанных корифеев. Другим шагом становится диверсификация понимания методологии, в задачи которой наряду с обоснованием научного знания теперь входит и организация частных эпистемологических систем, позволяющая относительно самостоятельно развиваться отдельным научным дисциплинам.

В англо- и франкоязычных странах, а именно они были лидерами описываемых процессов, эти изменения были закреплены и в терминах, обозначающих науку: Science – эмпирическое естествознание – и Humanity – гуманитарные науки. Соответственно в англ. и франц. языке меняется и название специалистов: scientist – естествоиспытатель – и scholar – гуманитарий. В дальнейшем термином «scientist» обозначаются и специалисты ряда социальных дисциплин (социология, экономика, демография и т.д.), использующих прямые формы наблюдения и экспериментального исследования своих объектов, а не только критический анализ описывающих их классических текстов. В ряде других европейских языков, в том числе (русском, немецком и др.) подобного разделения не произошло.

Общественный интерес к науке и ученым возрастает в конце XIX в. В связи с общей верой в научно-технический прогресс как путь к всеобщему благоденствию. И хотя эта вера впоследствии была существенно поколеблена, научная профессия сохраняет высокий престиж и на протяжении всего XX столетия. Однако во второй половине столетия в центр внимания стали попадать угрозы миру, непосредственно связанные с бесконтрольным поведением ученых. Первым эту тревогу высказало само научное сообщество. Были созданы десятки общественно-политических организаций ученых, проведены открытые обсуждения проблем ответственности ученых за ядерную, генетическую, экологическую безопасность человечества. В уставы профессиональных научных обществ вводятся положения об ответственности ученых за нарушение профессиональных этических норм, объявляются моратории на ряд опасных по своим последствиям исследований. Появились специальные отрасли науки (напр., биоэтика и др.), изучающие эту проблематику. Радикально изменилась социально-организационная среда

деятельности ученых, а вместе с тем расширились и его функции. Значительная часть фундаментальных и, особенно, прикладных исследований проводится в крупных резидентных (научно-исследовательские институты и лаборатории) или распределенных (научно-исследовательские программы и проекты) организационных комплексах. Все большее число ученых, в том числе и наиболее продуктивных из них, оказываются нагруженными управленческими функциями. Одновременно с этим постоянно и интенсивно растет слой научной бюрократии, что отражается на общей структуре сообщества.

Еще одним заметным изменением стало расширение участия ученых в различных механизмах информационного обеспечения и поддержки принятия решений по социально-экономическим проблемам национального, регионального и международного масштаба. У регулярно привлекаются к этой деятельности в качестве экспертов, советников, членов аналитических групп и прогнозных учреждений. Для целенаправленного прикладного использования интеллекта ученых формируются так называемые «мозговые центры». Особые задачи в этой связи встают перед системой подготовки ученых в высших учебных заведениях.

В последнее время по мере формирования научно-инновационного комплекса в официальных международных документах (ЮНЕСКО, ЕС) термин «ученый» все больше вытесняется термином «исследователь» (Forscher, researcher), полностью покрывающим все семантическое поле. Так, в справочнике Фраскати 2002 г., во всех документах стран ОЭСР рекомендуется использовать термин «исследователи» определяемый как «профессионалы, занятые постижением или созданием нового знания, продуктов, процессов, методов и систем, а также в управлении такого рода проектами» (Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development. Frascati Manual. OECD, 2002) (Мирский, 2009).

Язык науки – особые языковые системы, посредством которых исследователи организуют производимые ими знания и транслируют получаемую информацию в профессиональной среде. При этом языковые средства, используемые специалистами, не являются какой-то внешней формой, в которой просто выражается содержание человеческих представлений о сторонах и свойствах изучаемых объектов и явлений внешнего мира. Напротив, сама структура и тип языковых выражений, применяемых в различных областях научного исследования, существенным образом определяет не только характер производимых знаний, но и направленность поисковой деятельности, результатом которой данные знания оказываются. Становление науки в качестве специализированного вида познавательной деятельности было одновременно и процессом оформления профессионального языка науки. Исходным источником средств, с помощью которых этот процесс осуществлялся, был естественный язык повседневного межлического общения.

Однако, заимствуя из него какие-то слова и выражения, ученые существенным образом изменяли их семантику, в соответствии с контекстом решаемых исследовательских задач. Подобное изменение всегда обусловлено различием уровней, на которых происходит отображение действительности в сознании людей. Если повседневная практика человеческого взаимодействия с окружающим миром базируется на чувственных восприятиях таких фрагментов реальности, которые даны человеку в локальных условиях «здесь и сейчас бытия» и потому представлены в сфере психической реальности в виде множества наглядных образов предметов и явлений, то научное знание строится с помощью понятийных структур, абстрактных по своей природе. Поэтому оно способно выходить за пределы узких границ сиюминутности. Категориально-понятийные структуры, посредством которых реализуется абстрактное мышление, позволяют создавать универсальные способы описания и объяснения действительности, отображающие не отдельные конкретные ситуации человеческого взаимодействия с окружающим миром, а некие устойчивые, инвариантные схемы, представляющие множество частных случаев, реализующихся в разнообразных условиях общечеловеческой практики, в обобщенном виде. Объекты, которыми оперирует при этом исследователь, существуют не в самой предметной действительности, а лишь в определенном дисциплинарном (или междисциплинарном) языке. Это так называемые «конструкты», или «идеальные объекты». Их описание и различные интеллектуальные операции над ними, осуществляемые исследователями, могут быть оформлены в виде фрагментов естественного языка, связанного с какими-то структурами формализованных языков. Математические и дисциплинарные символы (например, знаки, используемые в химии или астрономии), графики и чертежи – все это средства, с помощью которых построены различные типы языка, составляющие в своей совокупности общенаучный язык. Его элементарными формами являются специальные термины, в которых выражены теоретические представления о наиболее фундаментальных связях и отношениях свойств и явлений физической реальности. Термины могут быть как узкоспециальными, так и общенаучными. Но простой их набор еще не является языком, поскольку содержание человеческих знаний раскрывается лишь в организованных языковых структурах, связывающих термины между собой таким образом, что их отношения оказываются отображением отношений предметов и явлений изучаемой объективной действительности.

Язык науки используется для конструирования всей системы человеческих знаний об окружающей действительности (в этом проявляется его «методологическая» функция), а также служит средством общения специалистов (коммуникативная функция). Информация, представленная в языковой форме, обладает объективным характером и потому, даже становясь содержанием индивидуального

сознания, служит intersubъективным основанием профессиональной деятельности ученых, обеспечивая возможность их взаимопонимания и взаимодействия. Для этого язык науки должен быть выстроен таким образом, чтобы разные специалисты, работающие над одной и той же проблемой, могли воспринимать и интерпретировать передаваемые ими друг другу сведения однозначно. Этим обусловлено постоянное стремление ученых к максимально возможной точности и четкой логической определенности тех форм, посредством которых представлены получаемые ими данные. Чем меньше содержательной неопределенности заключают в себе формы научного языка, тем более эффективно их применение в познавательной сфере. Данная особенность является существенной чертой языка науки, отличающая его от естественных средств межчеловеческого общения или от языков искусства, где информационная неоднозначность оказывается как раз их достоинством. В этом смысле область гуманитарного познания является своего рода «промежуточным звеном» между ненаучными формами выражения знаний о мире и теми нормами и стандартами, на которые ориентировано естествознание.

Необходимость, как можно более явно представлять производимые учеными знания о мире, обуславливает широкое распространение в научном познании различного рода искусственных языков и применение средств логического анализа, позволяющего целенаправленно контролировать процессы построения и использования различных языковых структур, используемых в практике научного исследования. В отличие от естественных языков, посредством которых осуществляется повседневное общение людей, введение формализованных языков науки регулируется определенными правилами, обеспечивающими требуемую однозначность их применения.

Прежде всего, явным образом задается алфавит данного языка, т.е. перечисляются все знаки, входящие в его структуру. Затем формулируются правила построения всевозможных выражений из исходных знаков. После этого задаются правила перехода от одних знаковых конструкций к другим (правила вывода) и семантические правила, связанные с содержательной интерпретацией получаемых выражений. Построенный таким образом язык обеспечивает возможность взаимопонимания ученых в большей степени, нежели языки естественные. В связи с этим неоднократно предпринимались попытки создать для нужд исключительно научного сообщества такую языковую систему, в которой все значения базовых терминов и способы конструирования из них множества выражений были бы фиксированы раз и навсегда (достаточно вспомнить хотя бы идеи Г. Лейбница относительно возможности решения такой задачи). На первом этапе становления науки своеобразным прообразом подобной системы была латынь. Называемая «мертвым языком», не подверженным стихийным изменениям, латынь долгое время играла роль интернационального средства общения ученых

разных стран. Наряду с этим определенные надежды связывались с математическими средствами, в которых многие ученые видели эталон структурной организованности.

Безуспешность таких попыток заставила ученых осознать принципиальную неоднородность языка науки, наличие в нем множества различных уровней, не сводимых к какому-то одному абсолютным образом. Тот факт, что познавательная деятельность осуществляется одновременно, как минимум, на двух различных уровнях – эмпирическом и теоретическом, – заставил различных специалистов задаться вопросом о характере соотношения этих уровней и языков, посредством которых представлено получаемое в их рамках знание. Например, представители такого влиятельного направления в философии науки XX столетия, как логический эмпиризм, долгое время надеялись использовать в качестве базисного исключительно язык эмпирического уровня. Исходя из убеждения в том, что единственным источником всех человеческих знаний о мире может быть только непосредственное взаимодействие исследователя с изучаемыми им объектами, они рассчитывали создать методы, позволяющие свести содержание теоретического знания к так называемым «протокольным высказываниям», фиксирующим конкретные эмпирические ситуации.

С этой точки зрения значение терминов, составляющих структуру теоретического языка, должно было определяться их связью с «терминами наблюдения». В случае решения этой задачи удалось бы создать особый «нейтральный» язык, используя который можно было бы однозначно определять, какая из конкурирующих теоретических систем должна быть отброшена. В конце концов, однако, исследователи вынуждены были признать, что терминов, не связанных с какими-либо теоретическими предпосылками, просто не существует, и потому программа логического эмпиризма была признана нереализуемой в том виде, в каком она первоначально выдвигалась. Сегодня ясно, что язык науки представляет собой сложную иерархизированную систему, различные уровни которой могут эффективно применяться в различных познавательных контекстах (Гусев, 2009).

Обсуждение

Социальная эпистемология науки – современная область исследований, которая активно развивается в мире, продуцирует новые подходы и порождает острые дискуссии. «Сторонники классической эпистемологии полагали, что существуют три источника знания. Это, во-первых, объект, находящийся в фокусе познавательного интереса, во-вторых, сам субъект с присущими ему познавательными способностями, и, в-третьих, социальные условия познания. Позитивное содержание знания усматривалось в основном в объекте, субъект является источником помех и иллюзий, но при этом обеспечивают творчески-конструктивный характер познания; социальные же условия целиком ответственны за предрассудки и заблуждения. Ряд современных эпистемологов

заняли существенно иную позицию. Они утверждают, что все источники знания на самом деле сводимы к одному – социальным условиям познания. И субъект, и объект являются социальными конструкциями; познается только то, что представляет собой часть человеческого мира, и так, как это диктуют социальные нормы и правила. Таким образом, и содержание и форма знания социальны от начала и до конца – такова точка зрения некоторых (но не всех) сторонников социальной эпистемологии» (Касавин, 2009: 5-6).

Социальная эпистемология науки не возникла на пустом месте и представляет собой синтез нескольких философских и специально-научных концепций. Большая часть ее сторонников считает, что в своих истоках она восходит к К. Марксу и его анализу идеологии как ложного сознания. В центре его взглядов находится принципиальная мысль о том, что сфера духа не парит в воздухе, но опирается на почву социально-культурной и коммуникации людей определенной исторической эпохи. Немецкие социальные мыслители К. Мангейм, М. Вебер, Ю. Хабермас, восприняли идеи К. Маркса и развивали их, уточняя понятие идеологии, связи познания и интересов, взаимодействия науки, культуры, техники и производства. Другим источником социальной эпистемологии стали дискуссии внутри постпозитивистской философии науки, прежде всего идеи «исторической школы». Методологические подходы в лингвистике и социальной антропологии (контекстуализм, дискурс-анализ), психологии (гештальтизм, теория деятельности), междисциплинарные методы типа case studies оказались третьим источником социальной эпистемологии. Как направление она развивалась в рамках аналитической философии, идеи Л. Витгенштейна и его последователей сформировали ее концептуальные основы. Методы социальной эпистемологии начинали практиковаться в социологии и истории науки. Речь идет о таких исследователях: Б. Барнс, Д. Блур (Эдинбургская школа социологии науки), И. Элкана, К. Кнорр-Цетина (антропология науки), М. Малкей, Б. Латур (дискурс-анализ), Т. Кун, М. Фуко, П. Форман, С. Шейпин.

В России это направление долго существовало без самоназвания, но сформировалось как квалифицированное научное сообщество: Л. Косарева, Л. Маркова, Л. Микешина, Н. Смирнова, З. Сокулер, В. Федотова, В. Лекторский, И. Касавин, М. Петров, В. Степин, В. Филатов, но в этой среде практиковались сходные концептуальные подходы на критическом анализе зарубежного опыта. В 2004 г. начал выходить журнал «Эпистемология & философия науки» (Касавин, 2006), в 2005 г. был учрежден сектор социальной эпистемологии в Институте философии РАН (Kasavin, 1993). Журнал и «Энциклопедия философии и эпистемологии науки» – доказательные свидетельства прогресса этого направления.

Это направление на постсоветском пространстве и за рубежом развивалось в постоянных дискуссиях, новациях и уточнениях, что способствовало обоснованию его дисциплинарных границ и синтезу знаний. Эта атмосфера творческой дискусионности

и идейной инновационности продолжается и ныне, наращиваясь активным международным сотрудничеством. Постоянные рубрики журнала «Академия», «Панельная дискуссия», «Кафедра», «Панорама», «Междисциплинарные исследования», «Энциклопедия», «Контекст», «Мастер-класс преподавателя», «Архив», «Ученый совет», «Новые книги» дают огромный интеллектуальный материал для размышлений. Чтобы не быть голословным, приведу их наполненность по одному номеру журнала (правда, давнему). «Академия»: «Густав Шпет и современная методология социально-гуманитарных наук», «Методологические аспекты исторической психологии (поиск парадигмы)»; «Панельная дискуссия»: «Субъект и объект восприятия», «Восприятие как феномен субъективной реальности», «Физиология мозга о механизмах построения субъективного образа», «Психофизика восприятия естественной среды: смена парадигм экспериментального исследования», «Когнитивная карта и реальность»; «Кафедра»: «Образ науки в постмодернизме»; «Панорама»: Эпистемологические проблемы лингвистического поворота в историографии», «Дисциплинарный образ современной науки»; «Междисциплинарные исследования»: «Познание познания. Когнитивные науки»; «Энциклопедия»: «Обсуждаем статью «Рефлексия»; «Контекст»: «Антропная или кармическая альтернатива: модернизация научно-религиозного дуализма для XXI века», автор Стив Фуллер (Великобритания) и т. д. (Эпистемология & философия науки. 2006).

Выводы

Социальная эпистемология науки в разных ее формах имеет реальные перспективы для своего развития и активного международного сотрудничества. Именно так развивается она в России. Ее перспективы связаны с оригинальной разработкой методологических оснований направления, знакомством с другими ее направлениями в мире и ориентацией на их синтез в рамках собственной концепции. Это находить понимание в среде эпистемологов науки в США, Великобритании и других стран, в которых сформировались специализированные научные сообщества. К сожалению, в Украине пока не проявлен интерес к этой проблематике, но предпосылки для его возникновения есть: здесь в среде философов и ученых есть немало специалистов, тяготеющих к разработке проблем философии и эпистемологии науки с позиций этого направления. Они пока не смогли объединиться на базе единой концепции, но это произойдет при более благополучном течении научной жизни и

оживлении международной коммуникации.

Список литературы

1. Kasavin I. In the former Soviet Union. Studies in Social Epistemology // Social Epistemology. – 1993. – № 2.
2. Гусев С.С. Язык науки / С. С. Гусев // Там же. – С. 1197-1198.
3. Касавин И. Т. Журнал «Эпистемология и философия науки. Контур замысла / И. Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. – 2004. – Т. 1. – № 1. – С. 5-14.
4. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология & философия науки. 2006. – Т. VII. – № 1. – С. 5-15.
5. Маркова Л. А. Лаборатория / Л. А. Маркова // Там же. – С. 416-417.
6. Мирский Э. М. Ученый / Э. М. Мирский // Там же. – С. 1025-1026.
7. Поддьяков А. Н. Исследовательское поведение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И. Т. Касавина. – М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 323.
8. Розин В. М. Исследование / В. М. Розин, С. С. Гусев // Там же. – С. 318-321.
9. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И. Т. Касавина. – М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
10. Эпистемология & философия науки. – 2006. – Т. VII. – № 1. – С. 2-4.

References

1. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki (2009). [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. (I.T. Kasavin, Ed.). Moscow: Izd-vo «Kanon+». ROOI «Reabilitatsiya» [in Russian].
2. Poddjakov, A.N. (2009). Issledovatel'skoye povedeniye [Research Behavior]. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], 323 [in Russian].
3. Rozin, V.M., Gusev, S.S. (2009). Issledovaniye [Research]. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], 318-321 [in Russian].
4. Markova, L.A. (2009). Laboratoriya [Laboratory]. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], 416-417 [in Russian].
5. Mirskiy, E.M. (2009). Uchenyy [Scholar]. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], 1025-1026 [in Russian].
6. Gusev, S.S. (2009). Yazyk nauki [Language of Science]. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], 1197-1198.
7. Kasavin, I.T. (2004). Zhurnal «Epistemologiya i filosofiya nauki. Kontury zamysla [The journal "Epistemology and Philosophy of Science. Contours of design"]. Epistemologiya & filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science], 1 (1): 5-14. [in Russian].
8. Kasavin, I.T. (2006). Sotsialnaya epistemologiya: ponyatiye i problemy [Social epistemology: concept and problems]. Epistemologiya & filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science], 7 (1): 5-15. [in Russian].
9. Kasavin, I.T. (1993). In the former Soviet Union. Studies in Social Epistemology. Social Epistemology. – 1993. – № 2.
10. Epistemologiya & filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]. (2006). Vol. VII, № 1. – S. 2-4 [in Russian].

В. І. Онопрієнко

МЕТОДОЛОГІЧНІ РЕСУРСИ НОВОЇ ЕПІСТЕМОЛОГІЇ НАУКИ

Соціальна епістемологія науки - сучасна галузь досліджень, яка активно розвивається в світі, продукує нові підходи і породжує гострі дискусії. Наводиться нове розуміння пізнання як творчості. Пізнання має справу з вмістом колективної діяльності і спілкування, які потребують для своєї організації в ідеальні, тобто можливі, приблизні, варіативні моделі. Функція пізнання полягає в накладанні на світ мережі позначень - наукових формул, моральних норм, художніх образів, магічних символів, що дозволяють людині впорядкувати своє буття в світі і так структурувати свою психіку, щоб надати їй мобільність і варіабельність, забезпечуючи тим самим можливість діяльності та спілкування. Головна риса людського пізнання на відміну від аналогічної психіки тварин - конструктивність. Пізнання не є копіювання реальності, воно є внесення сенсу в реальність, створення ідеальних моделей, що дозволяють спрямовувати діяльність і спілкування і систематизувати акти свідомості. У статті на

прикладів нових категорій доводиться інноваційність нового підходу в межах соціальної епістемології, що забезпечує інтелектуальну його доказовість.

Ключові слова: епістемологія науки, методологія науки, нова концепція наукового пізнання, дослідження, дослідницьке поведіння, мова науки.

V. Onopriyenko

METHODOLOGICAL RESOURCES OF THE NEW EPISTEMOLOGY OF SCIENCES

Introduction. Social epistemology of science is a modern field of research that is actively developing in the world, producing new approaches and generating heated debate. It did not arise from scratch and is a synthesis of several philosophical and special scientific concepts. In the post-Soviet space, this area of research is effectively and on an original conceptual basis developed at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, where a new understanding of cognition as creativity has formed. **The aim and tasks are** to show the advantages of modern social epistemology of science, expanding the horizon of philosophy and methodology of science, to convince researchers to use a new arsenal of cognitive tools. **Research methods** used in the article are directly connected with the new concept of cognition: cognition is understood as a process that accompanies the activities and communication of people and performs the function of providing them in an ideal way. Creative knowledge gives rise to virtual worlds, creates the prerequisites for the creation and existence of cultural objects in general. Modern interest in virtualism is associated with methods of expanding the horizon of consciousness, creating the prerequisites for generating any cultural object. **Research results.** Cognition is a philosophical category that describes the process of constructing ideal plans for activity and communication, creating symbolic systems. Cognition is an independent reality that permeates all aspects of the human world and can only be distinguished from it in abstraction. Cognition deals with the content of collective activity and communication, which for their organization need ideal, i.e. possible, trial, approximate, variable models. The dynamics of the generation of knowledge is vectorial in nature, associated with a research, search setting to expand the scope of ideal constructs. The function of cognition is to superimpose a network of signs on the world - scientific formulas, moral norms, artistic images, magic symbols that allow a person to organize his being in the world and structure his psyche in such a way as to give it mobility and variability, thereby providing the possibility of activity and communication. The main feature of human cognition, unlike the analogous psyche of animals, is constructiveness. **Discussion.** Cognition is not copying of cognizable reality; it is an introduction of meaning into reality, the creation of ideal models that allow directing activity and communication and systematizing acts of consciousness. **Conclusion.** The article illustrates the innovativeness of the new approach in the framework of social epistemology, providing intellectual evidence for it, using examples of new categories.

Keywords: epistemology of science, methodology of science, new concept of scientific knowledge, research, research behavior, language of science.

УДК: 37.015.3:159.922

В. В. Мудраков¹, О. С. Поліщук²

ДЕЯКІ МІРКУВАННЯ ЩОДО ПРОБЛЕМ ІДЕНТИЧНОСТІ ТА ГУМАНІТАРНОЇ БЕЗПЕКИ

¹Хмельницький національний університет

²Хмельницька гуманітарно-педагогічна академія

Анотація. Статтю присвячено аналізу ідентичності у контексті спроби визначення гуманітарної безпеки з погляду актуальних подій в Україні. Призмою аналітики є перетин суспільствознавчого та філософського знання. Автори діагностують сучасну українську ідентичність як стан «постійних світоглядно-суспільних хитань» – стан збентеженості ідентичності, а також акцентують увагу на цінностях як ключових факторах самоідентифікації. Наголошується на необхідності культурного нарративу як плекання цінності власної самобутності і «власної філософії». З цього засновку виводиться загальне змістове наповнення гуманітарної складової безпеки та деякі основні моменти її концептуалізації: «картина майбутнього», «утвердження того, ким вже є», «відчуття бути разом», «монадна особистість». За такого ідейного посередництва мають місце певні алюзії на швидкість та якість українського самоствердження ідентичності.

Ключові слова: ідентичність, автентичність, цінності, гуманітарна безпека, збентеження та утвердження ідентичності, культурний нарратив, здоров'я ідентичності.

Вступ

Кінець ХХ – початок ХХІ століть для посттоталітарних суспільств ознаменувався виявом нової проблеми, яка пов'язана з ідентифікацією особистості в умовах, з одного боку, глобалізації та входженням у полікультурний простір співіснування, з іншого – з «відрижками» старих ідеологем та архаїзацією політичних пріоритетів. Відповідно до цих тенденцій, виокремлюються й особливості ідентифікаційних процесів. Втім такі процеси не є чітко диференційованими та однорідними з позиції остаточності й безповоротності їхніх світоглядних переконань. Це, радше є певними світоглядно-ідеологічними сумішами. Так, скажімо, одна частина українського соціуму ідентифікує себе тільки із суспільством, тобто з певною соціальною групою, прив'язуючись виключно до місця в онтологічному

сенсі, а не державою Україна, тобто не у генеалогічному (Мудраков, 2019: 160–165); інша, навпаки, «грає» тільки на «зацікавленій», тобто «патріотичній моралі» (Макінтайр, 1998: 524–543) в усвідомленні своєї самобутності, нехтуючи почасти тими імперативами, що відкривають двері до відкритого співтовариства цивілізованого світу; ще інша сторона взагалі не усвідомлює свого значення як суспільної сили, розмірковуючи про самоналежність тільки у світлі певних успішних результатів діяльності чи економічних досягнень, бажаючи лиш достатку, не залежно де, ким і за яких умов вони будуть отриманні. Свідченням таких класифікацій є наша історія за період незалежності: від 90-х, через революції, окупацію територій та війну, до формування політичної нації. Тобто ці процеси у таких типах суспільства – це постійні гойдалкові позиціонування. Спільним для них усіх